Литовского государства, не были, как правило, произведениями западнославянской письменности. Это были сочинения, ходившие среди русского (белорусского и украинского) населения Литовского государства и попадавшие оттуда в Северо-Восточную Русь,[25] но восходившие к оригиналам, написанным обычно не на западнославянских языках. Неизвестно, к какому оригиналу, польскому или латинскому, восходили, например, такие переведенные в Западной Руси, но сохранившиеся в русской рукописной традиции XV в. апокрифы, как повесть о страстях Иисуса Христа (основанная на «Никодимовом евангелии») и другие.[26] Памятники средневековой науки (философии, космографии, астрономии), проникавшие в XV—XVI вв. в Московскую Русь из Западной Руси, восходили не к польским, а к еврейско-арабским оригиналам. Памятники эти, связывавшиеся обычно в старой историографии с «ересью жидовствующих», в действительности не имели прямого отношения к новгородско-московской ереси (только два из них, «Логика» Маймонида-Аль-Газали и «Шестокрыл», были известны новгородским еретикам), но они свидетельствовали о широких светских интересах, возможно даже о гуманистических веяниях в Западной Руси,[27] и о том, что культурные связи между Польско-Литовским и Русским государствами далеко не ограничивались сферой церковной литературы и летописания.

Из произведений литературы, в более узком смысле этого слова (беллетристики), только одно обнаруживает некоторые следы западнорусского происхождения — «История Троянская» Гвидо де Колумна, памятник, на характере и значении которого мы еще остановимся. Западнорусские элементы в лексике этого памятника (такие слова, как «шкота») объяснялись исследователями по-разному: либо как признак того, что русский текст «Истории Троянской» восходит к той же переводческой школе, которая перевела «Логику» Маймонида и другие еврейско-арабские памятники,[28] либо как признак следования «известной литературной моде», вовсе не характеризующий лексику «Истории» в целом.[29]

---

[25] О литературном обмене между Западной и Северо-Восточной Русью см.: А. Д. Седельников. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века. — Известия АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 4, стр. 223—239.

[26] ГИМ, Синод., № 367, лл. 354—492; ср.: ГПБ, Q.I.391, лл. 1—96 об.; М. Сперанский. Славянские апокрифические евангелия. М., 1895, стр. 94—95; Е. Ф. Карский. Западнорусский сборник XV в. — ИОРЯС, т. II, кн. 3. СПб., 1897, стр. 964; Страсти Христовы в западнорусском списке XV века. Труд Н. М. Тупикова. — ПДПИ, CXL. СПб., 1901; Повесть о трех королях волхвах в западнорусском списке XV века. Труд В. Н. Перетца. — ПДПИ, CL. СПб., 1903; J. Janów. Legendarno-apokryficzne opowiésci ruskie o męce Chrystusa. — Prace Filologiczne, t. XV, cz. II. Warszawa, 1931. М. С. Грушевский считал возможным, что «Страсти Христовы» были не переводом, а белорусской или украинской компиляцией по католическим источникам (М. Грушевський. Історія української літератури, т. V. Київ, 1926, стр. 101—102). Сборник Синод., № 367 в целом несомненно составлен на московской почве, что видно из того, что он включает родословия московских князей (см. прим. 50).

[27] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв., стр. 396—428; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 144—145. Вслед за А. И. Соболевским и М. С. Грушевский связывал указанную переводную литературу с новгородской «ересью жидовствующих»; однако он правильно отмечал, что эта литература свидетельствует о значительной оживленности культурной жизни Украины (и вообще Западной Руси) в конце XV—начале XVI в. (М. Грушевський. Історія української літератури, т. V, стр. 73—92).

[28] Н. В. Геппенер. К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна. — Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 357—358.

[29] А. С. Орлов. Повесть кн. Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. — Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пгр., 1917, стр. 77; ср.